

ТИ ДЖЕЙ НЬЮМАН

ПАДЕНИЕ

Перевод с английского
Сергея Карова

Bookmate Originals / Individuum
Москва, 2022

УДК 82-31
ББК 84(Сое)6
Н93

Напечатано с разрешения
Andrew Nurnberg Literary Agency

Ньюман, Ти Джей.

Н93 Падение [роман] / Ти Джей Ньюман; пер. с англ. С. Карпова. — Москва: Individuum, 2022; Москва: Bookmate Originals, 2022. — 240 с. — (Vol.).

ISBN 978-5-6048006-1-4

Регулярный рейс 416 компании «Коустал Эйрвейс», маршрут Лос-Анджелес — Нью-Йорк, сто пятьдесят душ на борту. При взлете командир экипажа Билл Хоффман узнает, что вся его семья похищена террористом, который выдвигает простые условия: либо Билл разбивает самолет, либо его родных убьют. У команды рейса есть несколько часов, чтобы предотвратить катастрофу, — и никаких гарантий успеха.

Бывшая бортпроводница Ти Джей Ньюман десять лет работала на американских авиалиниях. Первые наброски своего дебютного романа «Падение» она делала на салфетках во время ночных полетов, пока пассажиры спали, а последние правки вносила уже во время пандемии коронавируса, когда самолеты перестали летать. Ее динамичный технотриллер сочетает искреннюю любовь к авиации и умение каждую минуту держать читателя в напряжении.

УДК 82-31
ББК 84(Сое)6

 individuum Vol.

ISBN 978-5-6048006-1-4

© 2021 by TJ Newman
Avid Reader Press, an Imprint of
Simon & Schuster, Inc. as the original
publisher
© Interior design by Ruth Lee-Mui, 2021
© Сергей Карпов, перевод, 2022
© ООО «Индивидуум Принт», 2022

Моим родителям — Кену и Дениз Ньюманам

Вот что творит Бог!

Числа 23:23

Когда ей на колени упал ботинок, в нем все еще была нога.

Она с визгом ее отшвырнула. Окровавленное мясо зависло в воздухе, а потом его засосало в огромную дыру в борту. В проходе рядом с ее креслом ползла стюардесса и кричала, чтобы пассажиры надели кислородные маски.

За всем этим из хвоста самолета наблюдал Билл.

Пассажирка с ботинком явно не слышала, что именно кричит молодая стюардесса. Скорее всего, она ничего не слышала с момента взрыва. Из ее ушей текли тонкие струйки крови.

От взрыва стюардессу подбросило, потом она упала и со стуком ударилась кудрявой головой о пол. Еще секунду лежала неподвижно, но тут самолет резко нырнул. Заскользив по проходу вперед, она стала хвататься за металлические скобы под сиденьями. Уцепившись, трясущимися руками попыталась подтянуться на накренившемся полу. Завалилась на бок, ее ноги болтались в воздухе. По салону носило хлам: бумажки, одежда, ноутбук, банка из-под газировки. Детское одеяло. Словно вокруг бушевал торнадо.

Билл проследил за взглядом стюардессы — и увидел небо.

Сквозь огромное отверстие, где всего тридцать секунд назад был аварийный выход на крыло, теперь светило солнце. Там только что собирала мусор вторая стюардесса.

Билл видел, как рыжеволосая старшая бортпроводница улыбнулась, взяла рукой в перчатке пустую чашку, положила в пакет — и в один взрывной момент пропала. Пропал целый ряд. Пропала целая сторона. Билл уперся ногами, когда самолет завихлял вправо-влево, не в силах удержать курс. «Ну конечно, руль направления», — подумал он. Скорее всего, поврежден весь хвост.

Над головой стюардессы-брюнетки раздался треск — раскрылись багажные отделения. Сумки выбросило, с силой разметало по салону. Большой розовый чемодан на колесиках утянуло прямоком в дыру. Вылетая, он ударился о край фюзеляжа и сорвал кусок обшивки. Через обнаженную сетку каркаса просвечивало небо. Хлещущие провода шипели и плевались рыжими и желтыми искрами, а за ними до самого горизонта были разбросаны облака. Билл прищурился из-за солнца.

Самолет выровнялся достаточно, чтобы стюардесса смогла сесть на корточки. Билл смотрел, как она борется с собственным непослушным телом. Как подтянула к себе ногу, но обнаружила, что тазовая кость торчит наружу. Она несколько раз моргнула при виде окровавленной раны, потом поползла дальше.

— Маски! — кричала она, медленно подтягивая себя по проходу к концу самолета, но ее голос почти заглушался ревом ветра. Она увидела мужчину, который никак не мог поймать кислородную маску. Наконец поймал и хотел надеть, но налетел ветер и вырвал ее из пальцев, резиновые ремешки затрепетали.

Серый туман душил салон водоворотом мусора и хаоса. В воздухе пролетела металлическая бутылка, ударила стюардессу в лицо. Из носа брызнула кровь.

— Его застрелили! Моего мужа! Помогите!

Билл оглянулся на женщину, отчаянно колотившую кулаками по безжизненной груди мужчины. Из двух кружочков у него на лбу по глазам и щекам струилось красное. Стюардесса, смахнув с лица кудри, подтянулась за подлокотник, пригляделась.

Это были не пули. Это были заклепки от обшивки.

Началась бешеная болтанка, под ногами задрожал пол. Билл чувствовал, как под ним все шатается. Выдержит ли корпус? Сколько у них еще времени?

Стюардесса продолжала ползти, угодив рукой в темное пятно на ковре в тот миг, когда Билл почувствовал запах мочи. Она взглянула на мужчину в кресле у прохода. Тот в шоке таранился куда-то перед собой, а у его ног расплзалась лужица.

— Лед, — простонал кто-то.

Стюардесса обернулась. Билл смотрел, как пассажирка с другой стороны прохода протягивает ей обеими руками кусок мяса. Стюардесса отшатнулась. Подбородок и шею пассажирки окрасило алым.

— Лед, — повторила она, и у нее изо рта хлынула кровь.

Она держала свой язык.

Билл оглянулся через плечо, увидел, как за дверью бортовой кухни треплет на ветру трубку внутреннего телефона, к которому упрямо ползла стюардесса. Посмотрел на дверь в другом проходе. Третья стюардесса лежала на полу рядом с упавшей пачкой сока. Билл видел, как оранжевая жидкость, густо плюхая на пол, смешивается с красной лужей у тела.

Наконец брюнетка доползла до конца прохода, похрустывая разбросанными пакетиками сахара и сливок. Протянула руку, но тут же отдернула.

На ее пути возникли черные туфли.

Стюардесса подняла взгляд. Она лежала у ног Билла, вся переломанная и окровавленная, раскрыв рот, но не произнося ни слова. Галстук Билла полоскало на ветру. На них обоих вопили двигатели, требуя хоть какого-то действия.

— Но... если вы... — выговорила стюардесса, глядя на Билла с таким выражением, словно ее предали. — Тогда кто в кабине, капитан Хоффман?

Билл резко вздохнул, словно хотел ответить, но не мог.

Бросил взгляд через весь салон — на закрытую дверь кабины.

Он должен быть по ту сторону.

Билл перескочил через стюардессу, бросился по проходу. Он бежал изо всех сил, но чем быстрее бежал, тем как будто дальше становилась дверь. А вокруг кричали люди, умоляли остановиться и помочь. Он все бежал, а дверь все отдалялась и отдалялась. Он закрыл глаза.

И вдруг врзался, ударился лбом о непробиваемую поверхность. Отшатнувшись от двери, схватился за голову. Пытался сообразить, оглушенный, как попасть в запертую кабину, но ничего не шло на ум. Он колотил в дверь, пока не отбил кулаки.

Задыхаясь, отступил, чтобы пнуть, и тут услышал щелчок.

Дверь приоткрылась. Билл ворвался внутрь.

Почти на всех поверхностях мигали красные и желтые огоньки. Неустанно визжал сигнал тревоги, оглушительно громкий в этой тесной камерке. Билл сел на свое место слева — в кресло командира.

Попытался сосредоточиться на экране перед собой, где из-за болтанки то и дело сменялись цифры. Куда ни глянь, везде красное. На него кричали все индикаторы, все тумблеры, все мониторы.

За окном — все ближе и ближе земля.

«Не расслаживайся», — приказал себе Билл.

Протянул руки.

Застыл.

«Твою мать, ты же командир. Вот и принимай решение. Время на исходе».

Тревога заорала громче. Механический голос твердил, чтобы он поднял нос самолета.

— А может, несимметричная тяга?

Билл обернулся. В кресле второго пилота пожал плечами его десятилетний сын Скотт. Он был в своей пижаме с планетами. Ноги не доставали до пола.

— Можно попробовать, — добавил мальчик.

Билл перевел взгляд на руки. Пальцы отказывались слушаться. Просто зависли в воздухе.

— Ну ладно. Тогда трудный вариант. Уходи в штопор и выровняйся с помощью скорости падения.

Он снова обернулся — теперь в кресле расслабленно сидела его жена. Скрестив руки, смотрела на него со своей фирменной усмешкой. Она так усмехалась, когда оба знали, что она права. Боже, какая же она у него красивая.

По шее градом катил пот, пока он пытался сдвинуться с места и сделать хоть что-то. Но так и сидел, парализованный страхом перед тем, что выбор окажется неправильным.

Кэрри убрала волосы за ухо, наклонилась ближе и положила руку ему на колено.

— Билл. Пора.

Он резко вскочил, хватая ртом воздух. В щелку между штор лился лунный свет, стекая ручейком по широкой кровати. Билл пробежал по комнате глазами в поисках мигающих огоньков. Прислушался, но вместо тревоги услышал только лай соседской собаки на улице.

Уронил голову на руки и выдохнул.

— Опять тот же самый? — спросила Кэрри, приподнявшись рядом на кровати.

Он кивнул в темноте.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Встряхнув одеяло, Кэрри накрыла постель и разгладила складки. Аромат свежескошенной травы привлек взгляд к открытому окну. На той стороне улицы сосед утерся подолом рубахи, потом с лязгом закрыл мусорный бак с обрезками травы. Потачил его на задний двор, помахав проезжающей машине, из которой доносилась громкая музыка. Позади Кэрри, в ванной, выключился душ.

Она вышла из спальни.

— Мам, можно погулять?

Внизу лестницы стоял Скотт с пультом от машинки на дистанционном управлении.

— А где твоя... — начала Кэрри, спускаясь.

В комнату, пуская слюни, вползла малышка. Добравшись до ног брата, Элиза схватилась за его шорты и подтянулась, затем встала, слегка покачиваясь.

— Ладно, а посуду в раковину сложил?

— Ага.

— Тогда можно, но только на десять минут. Возвращайся, пока не ушел папа, хорошо?

Мальчик кивнул и помчался к двери.

— Нет уж, — окликнула его Кэрри, взяв Элизу на руки. — Ботинки.

Сперва им было непросто с ребенком-сюрпризом, родившимся через десять лет после первенца. Но семья из трех училась быть семьей из четырех, и скоро Билл и Кэрри поняли, что старший брат, например, вполне может присмотреть за малышкой, пока взрослые одеваются и заправляют кровать. И тогда стало попроще.

Кэрри вытирала с детского стульчика остатки батата и авокадо, когда открылась входная дверь.

— Мам? — крикнул Скотт с тревогой в голосе.

Поспешив за угол, она обнаружила, что тот усталился на незнакомого. Гостя на крыльце явно застали врасплох: его рука замерла на полпути к звонку.

— Здравствуйте, — сказала Кэрри, перекладывая малышку на другое бедро и ненавязчиво вставая между сыном и незнакомцем. — Чем могу помочь?

— Я из «КэлКом», — ответил он. — Вы же звонили насчет интернета?

— А! — воскликнула она, широко открывая дверь. — Конечно-конечно, входите. — Кэрри поморщилась: она надеялась, что гость не заметил ее первой реакции. — Простите, к нам мастера еще ни разу не приходили вовремя, тем более с утра. Скотт! — прикрикнула она, и сын развернулся на месте в конце подъездной дорожки. — Десять минут.

Мальчик кивнул и понесся дальше.

— Я Кэрри, — представилась она, закрывая дверь.

Ремонтник поставил сумку в коридоре, и Кэрри наблюдала, как он оглядывает гостиную. Высокие потолки, лестница на второй этаж. Дорогая мебель, свежие цветы на журнальном столике. На каминной полке — семейные фотографии разных лет, последняя сделана на пляже во время заката. Скотт на ней — вылитая уменьшенная копия Кэрри: те же шоколадно-каштановые волосы развеваются от морского бриза, те же прищуренные зеленые глаза, та же широкая улыбка. Билл, чуть ли не на полметра выше Кэрри, держит в руках тогда еще новорожденную Элизу — ее лилейно-белая кожа светится на фоне его южнокалифорнийского загара. Мастер повернулся к Кэрри с улыбкой.

— Сэм, — сказал он.

— Сэм, — повторила она и улыбнулась в ответ. — Вас чем-нибудь угостить перед тем, как начнете? Я как раз собиралась заварить себе чаю.

— Чай — это вообще замечательно. Спасибо.

Она провела его в усеянную игрушками общую комнату, объединенную с кухней, залитой ярким солнечным светом.

— Спасибо, что пришли в субботу. — Кэрри усадила малышку обратно на детский стульчик. Элиза колотила кулачками по столу и хихикала с почти беззубой улыбкой. — У меня получилось договориться только на сегодня.

— Да, у нас сейчас большая загрузка. Сколько у вас уже не работает интернет?

— Дня два, — сказала она, наливая в чайник воду. — «Английский завтрак» или зеленый?

— «Английский завтрак», спасибо.

— А это нормально, что неполадки только у нас? — спросила Кэрри, зажигая конфорку. — Я поспрашивала соседей с «КэлКом» — у них все в порядке.

Сэм пожал плечами.

— Нормально. Может, дело в роутере, может — в проводке. Я проверю.

На лестнице раздались тяжелые шаги. Все следующие звуки были Кэрри хорошо знакомы: у двери поставят чемодан и наплечную сумку, затем по прихожей пройдут ботинки с кожаными подошвами. Через пару шагов он был уже на кухне — лакированные туфли, выглаженные брюки, пиджак и галстук. Крылья над нагрудным карманом — логотип «Коустал Эйрвейс», ниже выгравировано большими буквами «БИЛЛ ХОФФМАН». Такие же крылья украшали фуражку с золотым кантом, которую он аккуратно положил на стойку. Его появление оказалось удивительно драматичным, и Кэрри заметила, как сильно его официальный вид контрастирует с домашней обстановкой. Раньше она не обращала на это внимания — он же не спускается в полном облачении на ужины. Возможно, и сейчас-то заметила только потому, что с ними находился посторонний — тот, кто не знал его, не знал их семью. Так или иначе, сегодня это бросилось в глаза.

Билл убрал руки в карманы, вежливо кивнул мастеру, потом повернулся к Кэрри.

Она ответила на взгляд, поджав губы и сложив руки на груди.

— Сэм, вы не могли бы...

— Да, я, э-э, пойду начну, — ответил Сэм и оставил их наедине.

Часы на стене отсчитывали секунды. Малышка Элиза стучала обслюнявленным зубным колечком по подносу, пока оно не выскользнуло из ее пальцев и не упало на пол. Билл подошел и подобрал игрушку, сполоснул в раковине и протер полотенцем, после чего снова вернул в тянущиеся ручки дочери. За спиной Кэрри тихо засвистел чайник.

— Я позвоню по фейстайму из отеля, там расскажешь, как прошел матч...

— Нью-Йорк, да? — перебила Кэрри. Билл кивнул.

— Сегодня Нью-Йорк, завтра Портленд, так что...

— После матча мы пойдем есть пиццу. Из-за трехчасовой разницы, когда мы приедем домой, ты уже будешь спать.

— Ну ладно. Тогда первым делом с...

— Завтра утром мы встречаемся с моей сестрой и ее детьми, — сказала она и пожала плечами. — Так что посмотрим.

Билл вздохнул и выпрямился, расправил плечи с погонями, на которых было четыре золотые полосы.

— Ты же знаешь, мне пришлось согласиться. Попросил бы кто другой, я бы не полетел.

Кэрри уставилась в пол. Чайник уже вовсю визжал, и она выключила плиту. Постепенно свист стих, и вот уже на кухне снова только тикали часы.

Билл посмотрел на свои часы, выругался под нос. Поцеловал дочь в макушку и добавил:

— Теперь опоздаю.

— Ты никогда не опаздываешь, — ответила Кэрри.

Он надел фуражку.

— Я позвоню, как заселюсь. А где Скотт?

— На улице. Играет. Скоро вернется попрощаться.

Это была проверка, и она знала, что Билл это знает. Кэрри смотрела на него с другой стороны черты, которую только что негласно провела между ними. Он снова проверил время.

— Мы еще поговорим перед взлетом, — сказал Билл и вышел.

Кэрри проводила его взглядом.

Спустя мгновение открылась и закрылась входная дверь, и в доме воцарилась тишина. Кэрри стояла у раковины и смотрела в окно, как на дубе на заднем дворе трепещут листья. Где-то в отдалении завелась и уехала машина Билла.

Сзади раздалось покашливание. Торопливо вытерев лицо, она отвернулась от окна.

— Прошу прощения, — сказала она Сэму, смущенно закатив глаза. — Итак. Вы сказали, «английский завтрак». — Разорвав упаковку, она бросила чайный пакетик в чашку. Налила кипятка, от которого поднялся пар. — Вам с молоком или с сахаром?

Когда он не ответил, она обернулась.

Похоже, его удивила ее реакция. Наверное, он думал, что она закричит. Может, уронит чашку. Или, например, заплачет. Ну, *какой-то* драмы он точно ожидал. Когда женщина в своем доме, на своей кухне, оборачивается и обнаруживает, что человек,

которого она впервые увидела пару минут назад, наставил на нее пистолет, бурная реакция вполне естественна. Кэрри почувствовала, как машинально округлились ее глаза, как мозгу понадобилось время на осмысление ситуации, чтобы подтвердить, что все это правда.

Он прищурился, словно спрашивая: «Серьезно? И это все?»

В ушах Кэрри отдавался стук сердца, а по спине с головы до пят пробежал холодок. Все ее тело, все существование свелось лишь к ощущению этого гула.

Но это — ее дело. Она не обратила внимания на пистолет и смотрела только на человека — и ничего ему не выдала.

Элиза, воркуя, снова с визгом бросила колечко на пол. Сэм шагнул к ребенку. У Кэрри невольно раздулись ноздри.

— Сэм, — сказала она спокойно и медленно. — Я не знаю, что вам нужно. Но можете брать. Что угодно. Я сделаю что угодно. Только, пожалуйста... — голос надломился, — ...пожалуйста, не трогайте детей.

Хлопнула входная дверь. Горло стиснуло паникой, и Кэрри с трудом набрала воздуха, чтобы закричать. Сэм взвел курок.

— Мам, а папа уже уехал? — крикнул из другой комнаты Скотт. — Его машины нет, можно играть дальше?

— Скажи, чтобы он пришел сюда, — сказал Сэм.

Кэрри закусилла нижнюю губу.

— Мам? — с детским нетерпением повторил Скотт.

— Сюда, — сказала Кэрри и закрыла глаза. — Подойди скорей сюда, Скотт.

— Мам, а можно на улицу? Ты сказала, что можно... — Скотт обомлел, увидев пистолет. Посмотрел на маму, на пистолет, снова на маму.

— Скотт. — Кэрри поманила его. Мальчик, не спуская глаз с оружия, подошел к ней, и она подтолкнула его себе за спину.

— С вашими детьми все будет в порядке, — сказал Сэм. — Или нет. Но это уже зависит не от меня.

У Кэрри снова раздулись ноздри.

— А от кого?

Сэм улыбнулся.

Билл чувствовал на себе взгляды.

Это все форма. У нее есть такой эффект. В ней он казался выше.

О Билле можно было сказать многое, но любой бы подтвердил, что в первую очередь он приятный человек. Учителя и тренеры,

потом девушки, с которыми он встречался, родители его друзей. Все знали, что Билл — приятный парень. Он против этого не возражал. Он и правда такой. Но стоило надеть форму, как что-то менялось. Слово «приятный» на ум уже не приходило. Все еще оставалось в списке. Но его оттесняли другие слова.

Пока он шел мимо бесконечной очереди на проверку паспортов в международном аэропорту Лос-Анджелеса, на него все оборачивались, но стоило им глянуть на фуражку и галстук, как первоначальное возмущение превращалось в любопытство. Люди так больше не одеваются. Это пережиток тех времен, когда полет считался редкой роскошью, важным событием. Форму не меняли специально, чтобы сохранить некую старомодную таинственность. Она вызывала уважение. Доверие. Заявляла о чувстве долга.

Билл подошел к одинокой сотруднице службы безопасности, сидящей за стойкой в стороне от стойки паспортного контроля пассажиров. Аппарат пискнул, просканировав штрихкод на обратной стороне бейджа, и компьютер приступил к обработке.

— Доброе утро, — сказал Билл, протягивая паспорт.

— А все еще утро? — спросила она, пробегая взглядом по тексту рядом с фотографией. Сличив данные с информацией на бейдже, проверила паспорт под синим светом — на пустом месте страницы проявились голограммы и невидимые чернила. Подняв глаза, она удостоверилась, что лицо перед ней совпадает с лицом на документах.

— Наверное, технически уже нет, — сказал Билл. — Но для меня — да.

— А у меня все еще пятница. И поскорее бы она кончилась.

На экране компьютера загрузились фотография и данные с бейджа Билла. Трижды проверив все три удостоверения, она вернула паспорт.

— Удачного полета, мистер Хоффман.

Оставив пропускной пункт позади, он миновал пассажиров, которые натягивали обувь и возвращали жидкость и ноутбуки в ручную кладь. В прошлый раз он летел со стюардессой, которая принципиально не хотела уходить с работы просто потому, что ей было жалко лишаться пропуска. Она воротила нос от перспективы летать как простые смертные — ждать в очереди, соблюдать ограничения по провозу жидкостей, ограничиваться двумя сумками, которые еще и обыскивают каждый раз, а не в случайном порядке. Глядя,

как прощупывают мужчину, стоящего в одних носках, Билл вынужден был признать, что в чем-то она права.

Стоя в одиночестве у пустого гейта, Билл, как и обещал, позвонил домой. Он смотрел, как грузовик с бортовым питанием петляет по полю между рабочими в неоновых жилетах, разгружавшими отсек с багажом, и слушал гудки на другом конце провода. Один самолет буксировали к полосе, вдали взлетал другой.

Они с Кэрри редко ссорились. Поэтому и не умели. Сейчас у нее было полное право обижаться. Сегодня у Скотта первый матч Младшей лиги, и Билл обещал прийти. Заранее проверил, чтобы в день игры и за два дня до и после не намечалось полетов. Но когда тебе звонит шеф-пилот и по-дружески просит о рейсе, ты не отказываешься. Не можешь отказаться. Билл был третьим по старшинству пилотом в компании. Когда он в нее только устраивался, еще никто не знал, долго ли она протянет. Новые компании выживают редко. Но он все равно ее держался. И теперь, почти двадцать пять лет спустя, компания добилась успеха в глазах как пассажиров, так и акционеров. «Коустал» — его дитя. И если начальник говорит, что ты нужен, ты отвечаешь «да». Варианта «нет» не предусмотрено.

Так он и сказал Кэрри. Но не сказал, что даже не вспомнил о матче Скотта, когда О'Мэлли просил об услуге. Или что если бы и вспомнил, то это ничего бы не изменило.

Гудки, гудки — и наконец: «Привет! Вы позвонили Кэрри. Сейчас я не могу...» Он сбросил звонок и перед тем, как убрать телефон, мельком увидел высветившуюся на экране семейную фотографию.

Заметив свое отражение в окне, Билл пригляделся к темной шевелюре. Виски уже припорошила предательская седина. Глаза — живые, глубокого синего цвета.

Билл хлопнул ладонью по звонку посреди журнального столика.

— Глаза. Мои глаза.

— Это окончательный ответ? От него зависит все.

— Она сказала, они как ночной пруд. Когда не видишь дна. Но плавать здорово и волнительно. Так что да. Глаза. Это мой окончательный ответ.

У Кэрри отвисла челюсть.

Билл подался вперед. Он сам чувствовал в своем дыхании запах пива.

— Я это случайно услышал, когда ты болтала с подругой по телефону. Но тебе ни разу не говорил. Я так тебя люблю. — Он послал Кэрри воздушный поцелуй.

Жены радостно зашумели, мужья подшучивали.

— Итак, Кэрри, — сказал ведущий. — «Глаза». Это твой ответ на вопрос, что тебе больше всего нравится в муже?

Она зарделась. С хихиканьем подняла бумажку с ответом: «Задница».

Комната взорвалась. Билл хохотал громче всех.

Он поправил галстук. «Я хороший человек», — напомнил он себе без колебаний. В воспоминаниях промелькнуло разочарование на лице Кэрри, когда она провожала его взглядом из кухни. Он моргнул, посмотрел вслед взлетающему самолету.